

Прошло три года.

Никто и не заметил, как в мир сяншэна внезапно ворвались два новичка.

Они были странными: выступали в ночных клубах. Они были эксцентричными: большую часть их фанатов составляли богатые бездельники, любители попрыгать на танцполе. Они плевали на каноны и правила, вольно и дерзко перекраивая жанр под своё личное видение.

Но благодаря их свежим, остроумным сюжетам, уморительному содержанию и великолепному вокалу слава о них мгновенно разлетелась по всему сообществу.

Их звали Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян.

С наступлением сумерек у дверей «Зала Счастья и Праздника» закипела жизнь.

Массивные створки театра распахнулись, и большие красные фонари залили вход мягким оранжевым светом. На алых колоннах пестрели афиши с изображением нынешнего «гвоздя программы» — длинноволосого красавца в традиционном халате-дагуа. Подпись гласила: «Изящный юный господин, затерянный в плену роскоши и суеты».

Трёхэтажное здание театра сияло огнями. Поклонники сяншэна тянулись внутрь нескончаемым потоком, а заезжие туристы то и дело останавливались у входа, чтобы сделать фото на память.

Хотя снаружи театр сохранял облик старинного театра, внутри он пережил не одну реставрацию и теперь был оснащён по последнему слову техники.

Едва переступив порог, зрители попадали не в зал, а в уютное фойе, устланное коврами. В этом интерьере, выдержанном в классическом стиле, можно было обменять электронные билеты на бумажные или купить их прямо на месте.

Затем через резные деревянные двери гости проходили в само святилище театра.

Внутри по-прежнему царил атмосфера старины: пол, выложенный синим кирпичом, расписные балки и поднебесные фонари. Однако ветхую сцену давно сменили современной высокотехнологичной эстрадой.

Огромная сцена занимала всю торцевую стену здания. На заднике красовались три мощных иероглифа — «Зал Счастья и Праздника», а по бокам висели свитки с парными надписями:

«В словах о счастье — вся радость мира,

В великом празднестве — забвенье всех невзгод».

Это и был «Зал Счастья и Праздника».

Места напротив сцены тоже изменились: вместо жёстких лавок и табуретов здесь стояли ряды мягких диванов, как в лучших кинотеатрах. Сидеть пять часов кряду на дереве — сомнительное удовольствие, и руководство театра позаботилось о комфорте зрителей. Теперь обновлённый театр вмещал почти тысячу человек, превратившись в солидную сценическую площадку.

Желающие уединиться могли подняться на второй или третий этажи — там располагались VIP-ложи в старинном стиле. Можно было пить чай, лакомиться сладостями и, облокотившись на перила, созерцать представление внизу.

Таков был этот коллектив, владеющий огромным трёхэтажным театром и умело вплетающий веяния нового времени в канву древних традиций.

В закулисы актёры в разноцветных халатах готовились к выходу.

По традиции «Зала Счастья и Праздника» сценические костюмы обычно шили ярких цветов, чаще всего — красных. Он символизировал торжество и радость — именно тот эффект, которого добивался театр.

Молодые люди не обсуждали свои номера, а сгрудились вокруг одного из коллег, хохоча над зернистым видео в телефоне. На экране Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян увлечённо исполняли сяншэн.

Не успели они вдоволь натешиться, как телефон бесцеремонно выхватили.

Это был не кто иной, как главная звезда «Зала Счастья и Праздника», «цветочный» принц из поколения «Хуа» — Цяо Хуаянь, которого все величали Молодым господином Хуа.

Именно его портрет красовался на афише у входа, и именно ради него сегодня собрался полный зал.

Родословная «Зала Счастья и Праздника» брала начало от артелей, выступавших на свадьбах и празднествах, поэтому каждое поколение учеников получало имена согласно канону благопожеланий. Учитель Цяо Хуаяня выбрал для него иероглиф «Хуа» — «Цветок» — из идиомы о полнолунии и прекрасных цветах.

Облачённый в алое дагуа, Хуаянь носил волосы до поясницы. В его облике мужественность

причудливо мешалась с нежной грацией, а черты лица были настолько совершенны, что трудно было определить его пол. Цяо Хуаянь походил на прекрасного юношу со страниц манги или на благородного мужа из древних свитков. И хотя многие коллеги по цеху презирали его стиль, считая, что он оскорбляет каноны сяньшэна, фанаты его обожали.

В эпоху, где внешность решает всё, он сумел завоевать себе место под солнцем благодаря уникальному образу.

— И что это за чушь? — проворчал Цяо Хуаянь, взглядываясь в экран. Несмотря на длинные волосы, в его манерах не было ни капли жеманства.

— Лорд Хуа! — актёры тут же вскочили, приветствуя лидера.

— Да это же та самая «Тётушка», которая сейчас в топах!

Один из актёров принялся просвещать его, объясняя, кто такая «Тётушка», и вкратце представил дуэт Цинь Юэцзина и Цзян Чэньяна.

Хуаянь пренебрежительно хмыкнул, швырнул телефон обратно и плюхнулся в кресло перед гримировальным столиком, кивком приказав мастеру начинать.

— Популярны, говорите? — бросил он через плечо. — И насколько же? Неужели популярнее меня?

Актёры притихли. Они знали: Молодой господин Хуа не на шутку разгневан.

В наступившей неловкой тишине раздался звонкий мужской голос:

— Конечно! Наш Лорд Хуа — ярчайшая звезда! Вы же теперь в шоу-бизнесе блистаете, куда вам до каких-то бродячих артистов-самоучек!

В комнату вошёл молодой человек в очках и с рюкзаком за плечами. Это был Хань Хаочунь из поколения «Хао», бессменный партнёр и пэнгунь — Цяо Хуаяня.

— Брат Хань! — хором поздоровались актёры.

Цяо Хуаянь нахмурился, глядя в зеркало:

— Ты сейчас меня хвалишь или издеваешься?

— Хвалю, конечно! — Хань Хаочунь уселся рядом, снял очки и тоже принялся накладывать

грим.

— А теперь на сцене — номер «Великий телохранитель»! Исполняют Цяо Хуаянь и Хань Хаочунь! — провозгласил ведущий под шквал аплодисментов.

У самого края сцены Хуаянь вполголоса предостерёг напарника:

— Предупреждаю: не смей сегодня меня подкалывать слишком сильно. Я должен держать образ безупречного благородного мужа!

— Ага, как скажешь, — добродушно усмехнулся Хаочунь, хотя о чём он думал на самом деле, не знал никто.

Под восторженные крики поклонниц дуэт вышел к публике.

Тем же вечером, когда вокруг чайной «Сад Цинь» на западе города зажглись разноцветные гирлянды, началось вечернее представление в «Зале Льва и Тигра».

«Сад Цинь» сохранил дух старых времён: тяжёлые деревянные столы, стулья, вдоль стен — простые длинные лавки. Сцена здесь тоже была старого образца.

Это была вотчина «Зала Льва и Тигра» — одного из крупнейших в Китае коллективов, придерживающихся строгого традиционного сяньшэна. Однако из-за верности архаичным канонам труппа постепенно теряла связь с современностью и приходила в упадок.

Тем не менее труппа оставалась грозной силой. Статус «поджарого льва» позволял им по-прежнему доминировать в иерархии сяньшэна.

Большинство местных актёров обучались мастерству долгие годы. Здесь вас не выпустили бы на сцену после пары лет учёбы — здесь панически боялись запятнать доброе имя школы дилетантством.

Благодаря такому фанатичному стремлению к совершенству и строжайшим требованиям коллектив крепко держал в руках бразды правления в мире традиционных искусств. Будь то профессиональные дискуссии, народные фестивали или научные изыскания в области истории культуры — их мнение всегда было решающим.

Хотя оба коллектива чтит традиции, пропасть между «Залом Льва и Тигра» и «Залом Счастья и Праздника» была огромной. Годы соперничества превратили их в непримиримых врагов. В этой индустрии выживание одного часто означало голод другого, поэтому конкуренция давно стала для них образом жизни.

Впрочем, в последние годы интерес к сяншэну и опере вырос, и работы хватало всем. Два главных гиганта временно заключили негласное перемирие, сосредоточившись на своих делах.

Занавес с надписью «Выход» колыхнулся, и в щель выглянул мужчина средних лет. Он окинул взглядом зал: мест не было, но почти все зрители были глубокими стариками.

подавив вздох, он вернулся в закулисье.

Там, помимо актёров в халатах, сидел полноватый пожилой человек и неспешно пил чай. Несмотря на почтенный возраст — за шестьдесят, — старик выглядел бодрым, а лицо его пылало здоровым румянцем. Заметив вошедшего, он нахмурился.

Поставив чашку, старик рявкнул:

— Что ты морду кислую соорудил? Я ещё не помер!

Это был Юй Чжимин, нынешний глава труппы. Со дня основания труппы имена актёров давались по цепочке добродетелей: «Гуманность, Справедливость, Благопристойность, Мудрость, Искренность...». Чжимин принадлежал к поколению «Чжи» — «Мудрость».

Сун Синьфан от неожиданности чуть не схватился за сердце, а стоявшие рядом ученики мгновенно вытянулись в струнку.

— Учитель, — виновато пробормотал Синьфан, — зрителей всё меньше, и приходят одни старики. Я думаю, нам стоит...

— Если ты опять заведёшь шарманку про смену формата, катись отсюда! Я не позволю наследию предков загнуться на моём веку!

Юй Чжимин посмотрел на ученика с горечью. Синьфану было всего сорок пять, но выглядел он так, будто уже одной ногой стоял на пенсии — весь какой-то поникший и серый.

— Вот именно! Разве можем мы опуститься до уровня этих уличных фигляров? — К ним, ухмыляясь, подошёл толстяк в халате. Это был Ту Синьда, другой ученик Чжимина. — Брат Сун, мы здесь делом заняты — древние трактаты по искусству восстанавливаем! Разве можно нас сравнивать с этой шантрапой?

Сун Синьфан нахмурился. Его младший брат и учитель были заодно: они вознесли свою школу на недостижимую высоту. Но ведь сяньшэн никогда не был элитарным искусством! Их предки когда-то выступали прямо на земле, очертив круг мелом.

Набравшись смелости, он заговорил снова:

— Учитель, я слышал, что у Старейшины Чжана появились два ученика, они сейчас очень популярны. Может, стоит пригласить их к нам? У нас ведь условия куда лучше, чем в ночных клубах...

Чжимин не дал ему договорить. На этот раз он пришёл в настоящую ярость.

Старик побагровел и широко раскрыл глаза.

— Какой ещё «Старейшина»?! — взревел он. — О Чжане Лицзи десятилетиями не было ни слуху ни духу, и вдруг он объявляется! Кто знает, что он за человек теперь? Да если это и он — наш учитель вышвырнул его вон! Он совершил страшный грех, ты это прекрасно знаешь! А теперь, завидев, что его ученики в моде, ты предлагаешь звать их сюда? Да я тебя самого вышвырну, иди и выступай с ними в кабаках!

Выпалив всё это на одном дыхании, Юй Чжимин внезапно схватился за грудь, он поморщился от боли. Ту Синьда и остальные ученики в ужасе бросились к нему, помогая перевести дух.

Видя, что наставник на грани срыва, Сун Синьфан лишь тяжело вздохнул и умолк.

«Пусть будет как будет, — подумал он. — Видно, не мне менять судьбу „Зала Льва и Тигра“».

<http://bllate.org/book/17504/1657869>